

Штейн

— Сяпа, выпить хочешь?

— Штейн, тебя что — начерталка совсем доконала? Такие вопросы задаешь — чуть в краску не вогнал, шлимазл!

— Тогда пошли.

— Куда?

— В Жуковский, в кабак.

— Где деньги, Зин?

— Не твое дело.

Зная Штейна, я больше не стал удивляться, и мы вошли в единственный в городе ресторан.

Штейн сделал заказ на всю мою повышенную стипендию, которую я давно оставил в Сокольниках. Так же, как и Штейн свою. Но отступить было поздно, и мы стали выпивать и закусывать, пока музыканты не ушли на перекур.

Штейн влез на сцену и сел за фоно. Потом подозвал меня:

— Ты «Oh! Darling» помнишь?

— Штейн, тебя что — действительно заклинило? Ты мне сегодня уже второй дурацкий вопрос задаешь.

Я взял бас-гитару, и мы грянули:

— Oh! Darling, please believe me!..

В зале перестали жевать. Потом стали подтягиваться к сцене и бросать нам деньги. И все смотрели широко открытыми глазами на Штейна. Он был в круглых «ленноновских» очках,

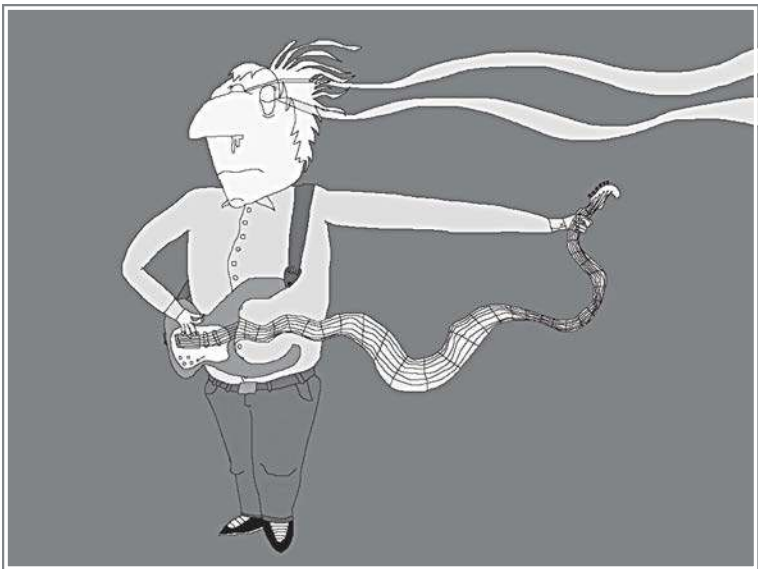

Иллюстрация Вячеслава Моисеева-мл.

ковбойке с порванными на локтях рукавами и потертом «левисе». Обут был во вьетнамки.

В тысяча девятьсот семьдесят пятом году «Битлз» в ресторанах не исполняли. Даже в интеллигентном Жуковском.

Музыканты стояли за кулисами и слушали. Потом подошли к нам:

— Ну все, чуваки, хватит. Теперь наша очередь.

Штейн отдал им половину «выручки», и в итоге мы получили сто пятьдесят рублей. Месячная зарплата конструктора первой категории. За одну песню.

На эти деньги мы купили в Подольске два диска «Битлз»: «Rubber soul» и «Let it be», которые и оставили на чье-то счастье в зале ожидания Казанского вокзала. Обмыли, называется.

Много позже я посмотрел фильм «Вокзал для двоих» и вспомнил Штейна...

Сон

Приснился мне на днях сон. Как будто бы встречаю я каких-то двух молодых людей. Они здороваются со мной, пожимают руку и вдруг спрашивают: «Ты расчет получил?» Я стал вспоминать, где и какой расчет я мог бы получить... Ну и ответил ребятам: «Да вроде нет». «Так иди получай! — благородно возмутились неведомые мне соратники по труду. — Только у нас теперь новый офис — на Краснойзнаменной, 13, комната 20, на втором этаже».

Но даже во сне я сообразил, что в этом двухэтажном коммунальном клоповнике всего десять комнаток и двадцатой просто не может быть.

Потом проснулся, встал и пошел на утренний обход города. Сон больше не вспоминал, пока неожиданно не кончилось пиво. Я стал думать, где бы этим прекрасным ранним утром найти еще денег.

Потом вспомнил, что на Краснознаменной, 13 мне должны дать расчет, и ноги сами понесли меня к спасению. Но по мере увеличения темпа хода мозги заработали тоже чуточку побыстрее: «Ну кто тебе даст расчет в пять часов утра? К тому же это был всего лишь сон, придурок!» Только ноги было уже не остановить.

Я подошел к дому № 13 и увидел на тротуаре пятьсот рублей. Пять «полторашек» — и сон тебе в руку!

Перепись

Я давно хотел поучаствовать в переписи населения. И вот наконец-то желанный день настал. Ко мне пришел мальчик с официальным портфелем, представился и стал задавать вопросы.

Первый вопрос я проигнорировал — назвался чужим именем. Тогда мальчик задал второй вопрос:

— Какой у вас пол?

Я почесал свою окладистую бороду и ответил:

— Женский.

Но мальчик был, видать, не промах и ударил меня следующим вопросом:

— Вы единственный сын у своей матери?

Я ожидал, что на пятьдесят третьем году жизни мне зададут немного другой вопрос на эту тему, и потому ответил:

— Не знаю.

И тут мальчик добил меня, как оказалось, последним вопросом:

— У вас есть антенна?

— Какая?

— Телевизионная.

— Нет.

— Телевизор?

— Есть. Даже три.

После этого переписчик собрал свои бумаги, застегнул портфельчик и, вежливо попрощавшись, ушел, оставив меня в таком недоумении, что я тут же пошел в магазин за облегчительным.

Переписали, однако.

Лечение рыжего кота

*Памяти Анатолия Михайловича,
нашего любимого Айболита*

Мой рыжий кот, активный участник мартовских событий прошлого года, происходивших в подвале, получил многочисленные когтевые ранения, подбитый глаз и чесотку.

Я отнес его в ветлечебницу. Там ему сделали укол. На укол кот отреагировал так же безразлично, как Бывалый — Моргунов в «Кавказской пленнице».

Медсестра нежно его погладила и всадила еще один укол. Нос у кота стал малиновым, и я понял, что медсестра ему очень понравилась. Он растянулся на операционном столе и зажмурился от блаженства.

Я хотел взять его на руки, но кот стал извиваться, будто ему собирались мыть лапы. Пришлось применить силу.

И все-таки, когда я расписывался в квитанции и на мгновение потерял бдительность, кот вырвался и убежал куда-то в недра лечебницы.

— Не волнуйтесь, — успокоила меня медсестра. — Приходите завтра, мы его поймаем.

Назавтра кота действительно поймали, и я отнес его домой, откуда он тут же сбежал в ветлечебницу.

Мне стало ясно, что кот вернется нескоро: любовь — великая сила.

Девушка с метлой и молоток

Рано утром перед рестораном «Арарат», бывшим кафе «Лада», что на Постникова, какая-то девушка в длинном черном вечернем платье и кроссовках мела тротуар...

В дверях стоял мужик с волосатой грудью и курил. Кроме усов, часов и домашних тапочек на нем ничего не было.

Я прошел немного дальше и свернул в переулок Трофимовский. Там возле мусорных баков увидел другую парочку.

Абсолютно голая молодая женщина с красивой грудью выбирала что-то из вещей, которые сердобольные граждане повесили на ограждение баков. Рядом стоял мужичок, держа на вытянутых руках платье с яркими цветами, и уговаривал подругу:

— Любань, ну примерь вот это!

— Отвали, — отвечала Любаня. — Оно мне не идет!

Ирония судьбы

Моя матушка родилась в Новостройке на улице Лассалья. Я такой улицы в Оренбурге не нашел и спросил у матушки, как эта улица называется сейчас. Но матушка не знала.

Тогда я выяснил, что улица Лассалья — это бывшая Дегтярная. В 1960 году ее еще раз переименовали — в улицу Макаровой-Мутновой. Чем им Лассаль не угодил?

Мария Михайловна Макарова-Мутнова после Гражданской войны была губернским комиссаром призрения (то есть социального обеспечения).

А моя матушка проработала в беседах различных уровней около пятидесяти лет. Я в этих беседах провел детство, отрочество и юность.

Деньги на издание моей книги «Оренбург. Романс в прозе» мне выделило в том числе министерство социального развития Оренбургской области — то есть бывший облсобес, где матушка тоже когда-то трудилась.

Такая вот ирония судьбы. Или что?

Память

...Жизнь кажется длинной, даже бесконечной, особенно по утрам, когда ждешь открытия магазина или возвращения гонца.

Эти философские размышления прервал ровный, спокойный женский голос:

— ...Развод будет за твой счет.

«Хорошо, родная...» — подумал я и, зная ее скупость, вслух сказал:

— Значит, развод невозможен.

— Когда ты нажрешься?.. — так же ровно и спокойно прозвучало в ответ.

Больше обсуждать было нечего, спрашивать рубль бесполезно. Я умылся и ушел.

Деньги вчера кончились еще внезапней, чем появились. Куда и с кем они исчезли, выяснить не удалось.

Ты можешь долго с досадой вспоминать о не сданных вовремя бутылках или о трех копейках, переплаченных за кефир, но куда уходят такие деньги, знает только Она. Память.

Ох эта вечная память...

Твои шутки глупы и неуместны. Твои подножки подлы и внезапны. Твои откровения бесстыдны, циничны и безжалостны. Жить без тебя невыносимо. А с тобой... Лучше не вспоминать.

Вот так невесело и бесполезно поболтав со своей памятью, я решил чем-нибудь заняться и долго вспоминал планы на сегодняшний день. Но никаких планов не обнаружил. Я опять забыл о ликвидации плановой экономики. Да это и к лучшему. Все равно ничего не помнишь.

И я решил начать жизнь с белого листа.

Белый лист мне выдали в отделе кадров. И потребовали написать объяснительную. Оказывается, вчера был совершен прогул.

Но моя память скурвилась и молчала, и я призвал на помощь воображение. Оно долго мяло мои изгаженные мозги и выдало следующее:

«Объяснительная.»

Я, Недоброволец Г.Д., прогулял 19 октября из-за сильного листопада. Вид беспричинно падающих листьев поверг меня в небывалое уныние, и я решил не испытывать судьбу. Вторая бутылка «Листопада» укрепила мою решимость.

Неожиданно прекратившийся дождь и неяркое осеннее солнце застали меня под полуопавшими кленами с четвертой бутылкой в руках. Несмотря на непрекращающийся листопад, я все-таки

устремился в сторону проходной, но был застигнут в пути резко наступившей темнотой.

Я возвращался домой с чувством глубокого раскаяния и тяжелым сердцем, которое меня и укачало.

Обещая впредь ни в какие сношения с судьбой не вступать, на работу ходить каждый день, а смену времен года не замечать.

С искренней любовью и уважением к руководству и местному комитету, а также к кассе взаимопомощи, ОТК и лично Раевой Кате. Передайте также поклоны Василию, Петру, Владимиру, другому Владимиру, Николаю, тете Ане, другой тете Ане — уборщице и Николаю Филипповичу за новые валенки. И всем, кто меня помнит. Прошу прощенья, кого обидел. Пишу перед боем. Не поминайте лихом.

Ваш Гарик.

Март — апрель, XX век».

Я ожидал любой подлости от памяти, но воображение оказалось подлее. Уничтожить компромат я не успел. Девушка, мило улыбнувшись, спросила:

— Число и подпись поставил?

Я вяло пожал плечами. Она взяла мой уже не белый лист и понесла его куда-то в коридоры власти. Реакция властей была неожиданной. Мне вспомнили всё. И не существующие уже местком, ОТК и кассу взаимопомощи, и лично Раеву Катю, и ныне сокращенных обеих тётъ Ань.

Долго выясняли, где валенки. Я оправдывался как мог, обливаясь потом. Мне уже стало казаться, что я сижу в этих валенках и из каждого торчит моя опухшая голова.

Наконец выяснили, что я уволился отсюда четыре года, девять месяцев и шестнадцать дней назад. Завеса над тайной пугающего грифа «Хранить вечно» наконец-то чуть-чуть приоткрылась.

Меня отпустили с теплым напутствием:

— Больше суда нэ заходы!

Проклиная и память, и воображение, я вышел вон. Гадюка-память скрипнула дверью, и я вспомнил всё. Лучше было бы не вспоминать. Я остался без коллектива, коллектив остался без меня. Мы никогда не любили друг друга, но никогда друг о друге и не забывали. А если я пытался забыть о своих обязанностях, он тут же напоминал мне о них своими правами.

Так и жили. Долго и нудно. Один направлял и опекал, другой тихо ненавидел. Проиграл, как всегда, я. Потому что моя память — непредсказуемая сволочь, а коллективная хранится вечно.

Даже когда коллектив тебя потерял.

В.С. Гризодубовой

За что обидели Валентину Степановну Гризодубову? Зачем в 1957 году переименовали названную в ее честь улицу в какую-то Харьковскую? Или решили, что теплохода ей достаточно?

Теплоход, к счастью, не переименовали. Руки у местных властей оказались коротки. Давать имена кораблям — это не их уровень.

Все оренбуржцы моего и более старшего поколения помнят судоходный Урал и три судна при нем. Самое большое и красивое — белый теплоход «Гризодубова». Поменьше — прогулочный катер «Пионер» и вечно стоявший на приколе, как «Аврора», пограничный сторожевик.

Только где теперь теплоход и остальные суда, не знают даже ветераны Управления малых рек, в чьем ведении находились эти три судна. Не знают. А когда-то знали об Урале всё. Исчезли кораблики. И только иногда появляются в снах, как Летучий Голландец.

А вот подруге Валентины Степановны Полине Осипенко оставили и улицу, и сквер — бывшие «Лягушки», теперь «Пушкин-Даль». А еще раньше тут вообще было кладбище.

Третью подругу — Марину Раскову — тоже не обидели: и улица есть, и несколько проездов.

А их командира, человека, спасшего многих от сталинских репрессий, лишили всего. Может, это месть Хрущева за то, что Сталин ее уважал? Только кто он такой — этот Хрущев? Посмеялись и забыли.

А Валентину Степановну нужно помнить. И хотя бы улицу вернуть. Раз уж Урал обмелел...

Справка

У В.С. Гризодубовой — 200 боевых вылетов. Командир авиационного полка. Первый полет совершила в четырнадцать лет. Дочь авиаконструктора. В 1938 году вместе с П.Д. Осипенко и М.М. Расковой совершила беспосадочный перелет Москва — Дальний Восток. Герой Советского Союза.